

Михаил СЕРЕГИН

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ
ПОЛОЖЕНЕЦ

**ВОРОВСКОЙ
ПОРЯДОК**

Михаил Георгиевич Серегин

Воровской порядок

Серия «Положенец»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167334
Серегин М. Г. Воровской порядок: Роман: Эксмо; М.; 2003
ISBN 5-699-04778-6

Аннотация

Когда Гришке Рублеву по кличке Крытый пришло время откинуться, воры на сходянке поставили его смотрящим в родной город. Но, попав на новое «место работы», «Положенец» с горечью узнал, что за время его отсидки многое изменилось. Теперь всю масть в городе держат черные во главе с беспредельщиком Джафаром. Причем покровительствуют кавказцу и местные милицейские начальники. А им смотрящий – как кость в горле. Потому и начали они планомерный отстрел Гришкиных корешей, тех, кто ему может помочь. Но Крытый не из таких переплетов выкарабкивался, да и звание положенца обязывает начать разборку по-крупному...

Содержание

Михаил СЕРЕГИН

4

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Михаил СЕРЕГИН

ВОРОВСКОЙ ПОРЯДОК

Ветер подхватил сухой прошлогодний лист и понес его от дороги к полю, безжалостно кувыркая. «Пустынное местечко!» – вот первое, что пришло бы в голову человеку, оказавшемуся волей судьбы здесь. Тяжелые тучи плыли, казалось, над самой землей, придавливая своей серой громадой к ней все живое. Вид местной природы, и так далеко не внушавший радости, от этого производил совсем удручающее впечатление. С одной стороны пустынное поле упиралось в вереницу одноэтажных бараков, отгороженных от внешнего мира высокой бетонной стеной. Поверх этой стены в три ряда бежала колючая проволока. По углам возвышались архаического вида сторожевые вышки с застекленными кабинками. Колючий орнамент заборов закономерно вписывался в общую заунывность здешнего местечка. Ворота вахты исправительного учреждения украшал плакат: «На свободу – с чистой совестью!» Плакат не подкрашивали несколько лет, и местами на буквах, аккуратно когда-то выведенных красной краской, появились щербинки. От далекого шоссе к зоне вела одна-единственная дорога, упиравшаяся в КП. Далее, чтобы попасть в ИТУ, нужно было миновать особый коридор, здорово смахивающий на проход для хищников из клетки

на арену цирка. Сваренный из толстых стальных прутьев, он тянулся метров на тридцать. Затем еще один контрольный пункт – и человек попадал в зону.

День давно начал сдавать свои права угрюмому вечеру. Солнце, так за целый день ни разу и не пробившее своими лучами тяжелую свинцовую хмарь, оставив тщетные попытки, скатилось за горизонт. С наступлением темноты лучи прожекторов заскользили по КСП, выхватывая из мрака ночи вышку с часовым, вновь подметали «запретку» и возвращались обратно к соседним вышкам. Над зоной повисла тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра да иногда – лаем собак из питомника.

Окна тюремной больнички ничем не выделялись среди прочих – такие же темные прямоугольники с решетками. Кажалось, что и тут люди спокойно спят, как и положено ночью. Во всяком случае, ни полосы света не было видно ни в одном окне.

Вертухай на вышке крутанулся на месте и поднял воротник, невольно вздрагивая от нового порыва ветра. Ствол «АКСУ», висящего на ремне через плечо, повернулся вместе с ним в сторону небольшого, по сравнению с остальными, барака больнички. Молодой парень-контрактник с простым деревенским лицом, зевая, окинул его равнодушным взглядом и опять отвернулся. Вновь зевнул и подумал о том, что ему меняться только через час. Затем его мысли повернули в русло, далекое от службы.

– Канай, окно хорошо закрыли? – Тихий шепот раздался из угла комнаты.

– Да, – отозвался такой же осторожный голос.

Зэк с худым жилистым телом, расписанным татуировками так, что оно издали казалось одним синим рисунком, еще раз заботливо поправил одеяло, закрывавшее окно.

– На стреме кто? Серый?

– Угу, – слышалось в ответ.

Через некоторое время в небольшой комнатке палаты тюремной больницы зажегся свет, но с улицы этого видно не было: окно плотно закрывало одеяло. Несколько зэков собрались около импровизированного стола, на котором на аккуратно постеленной газете лежал белый хлеб, стояли банки консервов – разогретая тушенка. Колбаса, сало – отдельно на тарелке.

Послышался осторожный стук, и в дверь передали закутанную в ткань банку.

– Чифирь, – шепотом сообщил кто-то и, едва банку приняли из его рук, поспешил закрыть дверь.

– Зови, – прежде чем зэк, принесший банку с дегтярного цвета варевом, исчез окончательно, негромко, но строго приказал ему тот, кого товарищ величал Канаем.

Через некоторое время дверь ненадолго приоткрылась, и

в комнату проскользнули один за другим трое эков.

– Почетное место, – Канай указал на застеленную шконку одному из троих. – Присаживайся, Григорий.

Стараясь говорить негромко, эки, однако, не «шкерились». Они знали, что дневальный недавно ушел куда-то и не вернется до тех пор, пока они не «торчнут». Вернее, пока не подадут сигнал – за это ему было хорошо заплачено. На шухере стоял их человек.

– Крытый, за твою откидку, – негромко произнес один из тех троих, что зашли вместе с Григорием. Крытый – было погоняло или, как справедливо считал сам Гриша Рублев, его второе имя. Последние пять лет Григорий провел в ИТУ-14, затерявшемся среди болотистых лесов Мордовии... Не стоит перечислять весь «послужной» список сорокашестилетнего кандидата в «законники» Григория Рублева – на это ушло бы слишком много времени. Достаточно сказать, что кличку свою он получил за то, что надолго застрял на «крытке» – зоне особого режима.

Сейчас его товарищи по последней отсидке пришли попрощаться с Крытым и проводить на волю. Тем временем кореш Витьки Каная ловко зарядил папироску и, раскурив, передал соседу справа. В воздухе повис сладковатый запах жженой листвы – «травку» загнал в «косяк» зэк по кличке Пан.

Тела блатных корешей испещряли наколки: церковные купола, кресты, тигровые оскалы и прочие символы трудной

жизни в неволе. Григорий Рублев не был исключением. Его широкую спину украшала трехглавая церковь с куполами без крестов. С левой стороны груди красовался грозно оскалившийся тигр. На коленных чашечках наколоты розы ветров. На тыльной стороне кисти правой руки мастер изобразил сложное узорчатое плетение. Фаланги пальцев обеих рук покрывали татуировки в виде перстней.

Да, на проводах «смотрящего» случайных пассажиров быть и не могло! Григорий выделялся среди товарищей более массивной фигурой. Черные жесткие волосы аккуратно пострижены, но не так коротко, как это принято среди молодых пацанов-первоходов. Пронзительный взгляд серых глаз красноречиво говорил любому человеку, наделенному хоть каплей здравого смысла, что спорить с Крытым без крайней причины лучше не надо.

– Дерни, Иваныч. – Крытому перешла папироска.

Тот сделал две глубокие затяжки и передал «косяк» дальше по кругу. Канай, в свою очередь, ловко принял его, крепко дернул и передал дальше.

– Что делать собираешься, как приедешь? – спросил неожиданно у Крытого старший по возрасту из всех присутствующих.

Крытый должен был откинуться завтра. Несколько дней назад на сходняке решался вопрос о его ближайшем будущем. Грише предложили быть «смотрящим» в его родном городке Веселогорске. Располагался он неподалеку от Пите-

ра и был одним из тех провинциальных небольших городков, которыми так богата российская глубинка. «Смотрящий» – воровская должность, и было особенно почетно, что братва заранее оказывает «положенцу» такое доверие. Но приятели нисколько не сомневались в Рублеве. Он ни разу не замарал репутацию, в какие бы сложные ситуации ни ставила его жизнь.

Крытый всегда с честью выходил из них, ни на йоту не поступившись своими принципами, по которым жил еще с малолетства. Крытый невольно задумался над вопросом ко-ре-ша – старого блатаря по кличке Окунь. Он уже второй раз вместе с ним мотал срок и хорошо знал своего приятеля. Гриша понимал, что тот задал вопрос не просто так.

– Осмотрюсь сначала, – осторожно ответил Крытый, отхлебывая чифирия. – Я уже там, почитай, лет десять не был!

– Ты, Григорий, человек толковый, у братвы нашей в авторитете. – Окунь задумчиво понюхал хлебную крошку, прожевал и, посмотрев прямо в глаза Крытому, продолжил свою мысль: – Ты понимаешь, что я просто так задавать вопрос не стал бы?

Рублев ответил ему понимающим взглядом.

– Так вот, от ребят я слышал, что в Веселогорске беспредел полный. Нормальных людей там почти нет. А масть держат «черные». Есть там такой... Джафаром кличут. Кто он по национальности – не знаю, да это и не сильно важно. Беспредельщик. Хуже него только менты местные.

– Может, заказать его, да и всех делов?! – неожиданно встрял в разговор немного закосевший Канай.

– Помолчи, – недовольно поморщившись, осадил его Крытый. – Дай человека послушать.

– Джафар этот за бабки в авторитеты вылез. Сначала в Питере кружился, но там его двинули здорово, и он со своей кодлой в Веселогорск приканал.

Григорий понимающе хмыкнул. Закурил сигарету и подумал о своем: «Сколько с начала перестройки появилось таких „авторитетов“ всех мастей. Кто за бабки, кто через связи вылез в „рулилы“! Насобирали под свои знамена бойцов из земляков, бывших спортсменов, воинов из „горячих точек“, поставили на уши в своем райончике коммерсантов, обложили данью – и все! Сразу крутые!»

– Но это еще не беда! – между тем продолжал Окунь. – У этого самого Джафара, по слухам, большая дружба с мусорней.

– В Питере у меня есть корешок давний, – произнес Пан, молчавший до сих пор. – Может, малявочку ему отписать? Встретит, поможет, чем сможет. Людей с собой даст.

– Спасибо за предложенную помощь, – все же отказался Крытый. – В Питер я, конечно, загляну. Мне там кое с кем повидаться нужно: за одним фраером должок имеется, с корешом своим перетереть нужно. Да и пацанов я лучше знакомых возьму – двое как раз там живут. А один, как я слышал, прямо в Веселогорске осел. Как раз кстати!

– Думаешь, трех «пристяжных» тебе хватит? – засомневался Пан. – Случись что...

Он не договорил, но все хорошо поняли его мысль.

– Случись что – Питер близко! – отрезал Григорий и решил все же объяснить друзьям свою фразу: – Если я сразу с толпой прикачу, и тот же Джафар, и менты – все на дыбы встанут, тогда уж точно мочилово пойдет! Зачем это нужно?! Я по-другому разложить хочу. Присмотреться, а там уж на месте решать. Может, вообще все можно решить без шума и пыли. Зачем сразу-то с войны начинать?! Я в город жить еду, а не штурмовать его, тем более с налета! Такие понты мне не в кайф!

– Смотри, тебе виднее, – спокойно отозвался Окунь, но Григорий понял, что в душе старый вор одобрил его расклад.

Некоторое время эки еще разговаривали о том о сем, пока человек, стоящий на стреме, не подал условный знак.

Тогда маститые уголовники поочередно покинули помещение, бесшумно расползаясь по своим шконкам.

«Шестерки» быстро навели порядок, уничтожая следы пиршества.

Григорий лежал и думал о том, правильно ли он решил относительно своей поездки в родной город.

Конечно, набрать достаточное количество бойцов – не проблема. Так оно, может быть, было бы спокойнее: без долгих разговоров турнуть этого самого Джафара, да и все! Но... новое положение не позволяло поступить ему именно

так! «Смотрящий» – человек, который следит за тем, чтобы на вверенной ему территории соблюдались воровские принципы и традиции. Он как третейский судья выносит свое решение в спорных вопросах между пацанами. И его инстанция – последняя, а слово – непреложный закон!

Крытый понимал, что ему оказали высокую честь. Не каждый вор становится «смотрящим»? Но этот статус и ко многому обязывал! И какая бы ни шла слава об этом самом Джафаре, Крытый должен ему предъявить конкретный случай, только после этого можно было что-то делать! Кавказец, какой бы он отмороженный ни был, должен понимать, что против братвы идти ему не с руки. Можно через подставу под «косяк» «рамсить» с соседом – таким же авторитетом местного разлива, но «смотрящий» города – это уже серьезно.

Конечно, Джафар его может просто заказать, и тогда даже целая армия не прикроет! Толковый снайпер решит этот вопрос в два счета. Кроме того, привалить с кодлой – дать повод ментам для повышенного интереса. А в том, что этот интерес к его персоне проявится, Крытый нисколько не сомневался!

Помимо всего прочего был и еще один немаловажный аспект – психологический. Завали Рублев в город с бригадой, он невольно дал бы понять противнику, что он если и не боится его, то по крайней мере опасается. Кто такой Джафар?! Беспредельщик, которого дальше Питера никто по большому счету и не знает! А он – «смотрящий», поставленный

братвой, без пяти минут вор в законе. В кругу людей, занимающихся «святым ремеслом», человек с весом и авторитетом. Григорий понимал разницу в их положении и никоим образом со счетов сбрасывать такой козырь не собирался.

Крытый считал выбранную им тактику правильной, и, как он понял из недавнего разговора с кентами, те полностью соглашались с его мнением.

* * *

В то время, когда зэки обсуждали ближайшее будущее Веселогорска, к самому северному городку спешил скорый поезд Москва–Санкт-Петербург.

– Веселогорск – через полчаса! – бойко объявила молодая дородная проводница, чинно шагая по проходу плацкартного вагона.

Реплика сразу же разбудила нестарого мужчину, дремавшего на нижней полке. Пассажир потянулся, зевнул, прикрыв ладонью рот, и решил надеть рубашку. На голой спине неизвестного красовалась большая татуировка: церковь с тремя куполами. На правом плече синела красивая наколка в виде креста. Между тем лысый незнакомец, совершенно игнорируя повышенное внимание любопытных сограждан к своей персоне, надел рубашку и не спеша застегнул пуговицы. Затем накинул пиджак. Будто неожиданно что-то вспомнив, мужчина зашарил по карманам. Очевидно, он нащупал

то, что было ему дорого, поскольку заметно успокоился, и, достав сигарету, направился в тамбур.

Состав дернуло, и поезд, постепенно набирая скорость, побежал дальше. Колеса вновь принялись мерно выстукивать свою, уже привычную пассажирам, чечетку.

Незнакомец прикурил и выпустил под ноги густую струю дыма. Оперся спиной о покачивающуюся стенку вагона и принялся размышлять. Судя по тому, как он отрывисто и часто затягивался, мысли его одолевали не из приятных.

В это время тамбурная дверь открылась и выпустила еще одного человека – парня лет двадцати пяти с неприкуренной сигаретой в зубах. Он окинул скучающим взглядом тамбур и жестом попросил прикурить у лысого. Тот протянул молодому человеку спички. Взгляд молодого, до этого откровенно выражавший лень и скуку, заметно оживился, когда уперся в густо усыпанные синими перстнями пальцы незнакомца, протягивающего ему коробок. Прикуривая, парень сложил ладони «крабом». Его собственный «перстень», с изображением белого крестика, тоже не остался незамеченным. Лысый понятиливо улыбнулся.

– Извини за вопрос. – Молодой человек начал разговор первым. – Ты в «Крестах» сидел?

– А что? – вопросом на вопрос ответил лысый, однако голос его прозвучал вполне благодушно, вселяя надежду на продолжение разговора.

– Да нет, ничего, – пожал плечами парень, – просто я сам

не так давно с «Крестов». Вот, в столицу гонял, уже полсутки почти маринуюсь тут...

Парень замолчал, словно не зная, как продолжить только начавшийся разговор.

– Я заметил, что ты в «Крестах» загорал, – затягиваясь, не спеша произнес лысый. Помолчав, он спросил: – Один едешь?

– Да, – с заметным сожалением в голосе отозвался недавний постоялец «Крестов».

– Культурно пообщаться не с кем? – сделал свой вывод мужчина в пиджаке, при этом слегка усмехаясь.

– Вот-вот! – оживился парень.

– Куда путь держишь? – бросая окурок, без видимого интереса полюбопытствовал лысый.

– В Веселогорск, – затягиваясь, ответил навязавшийся собеседник.

– Местный? – с любопытством поинтересовался мужчина.

– Родился и вырос, как говорится! – подтвердил молодой.

Тамбурная дверь еще раз гулко лязгнула, пропуская двух парней где-то лет двадцати. Они сразу же задымили и, не обращая внимания на посторонних, громко и беспечно загалдели о своем. Вскоре к ним присоединился третий. Стало шумно, как на привокзальной площади.

Лысый недовольно поморщился и сказал, обращаясь к своему собеседнику:

– Ну, бывай!

– Может, по пивку? – предложил молодой. – У меня пара флаконов есть.

– Подтягивайся, – сказал лысый и отправился в свой плац-карт.

Мужчина с выколотой на спине церковью недолго пребывал в одиночестве. Давешний собеседник вскоре отыскал его и поставил на стол две бутылки «Балтики».

– Николай, – представился он.

– Сергей, – отозвался в свою очередь лысый.

– Давно в Веселогорске не был? – открывая пиво, полюбопытствовал Коля.

– Давненько, – скупой ответил Сергей и тут же сам спросил: – Как там? Жизнь бьет ключом?

– Нормалек!

– Ну а как с погодой в городе? – с явным намеком полюбопытствовал Сергей.

– А что с погодой? – на лице Николая появилось недоуменное выражение, он явно «не догнал» смысла вопроса.

– Кто у вас город держит? – на сей раз напрямую спросил лысый.

– А! – Лицо парня приняло осмысленное выражение, и одновременно по нему скользнула пренебрежительная гримаса. – Есть там один такой! Джафар зовут... Кажется, айзер. Под авторитета косит. Прикатил со своей бригадой четыре года назад из Питера. Говорят, ему там по шее хорошо наступали!

– Ну а у вас он что делает?

– Да то же самое, пацла! Скот еще тот – жрет один из общего корыта и никого близко не подпускает!

– Ну а вы чего же смотрите? – с легкой тенью иронии в голосе полюбопытствовал Сергей. – Собрали бы пацанов, турнули его, как питерские в свое время сделали.

– Собраться несложно... – Молодой человек на некоторое время задумался, как бы размышляя, стоит ли до конца откровенничать с новым знакомым? Наконец все же решился: – С ментами у него круто прихвачено... – Парень покосился на идущую по проходу проводницу, помолчал, пока она не удалилась, и, наклонившись к своему новому знакомому через стол, тихо продолжил: – Не знаю, то ли они у него в кармане, то ли он у них, только дело такое... Была у нас в городе центровая бригада. Рулил Макар – пацан, я тебе скажу, вот такой! – Николай оттопырил вверх большой палец, всем известным жестом показывая, какой пацан был Макар. – Так вот, – глотнув пивка, продолжил он, – когда Джафар прикатил со своей кодлой и начал потихоньку прибирать Веселогорск к рукам, Макар на «базар» его вытянул. А тот кричит через людей: «Я его, типа, в упор не вижу! Теперь я хозяин в этом городе!» Макар, конечно, такого не потерпел и объявил «черным» войну...

– Ну и?..

– Только на следующий же день на хату к Макару «маски-шоу» пожаловали. Положили половину братков, причем

безо всяких обвинений! Уже потом, как водится, «нашли» и наркоту и оружие! С понятыми и видеосъемкой. Макара там тоже положили... Но самое интересное не в этом...

– А в чем?

– Когда «маски» налетели, там как раз толковище шло. Макар подтянул всех путевых пацанов из нашего городка. Короче, менты уж больно вовремя успели! В этот день мы с корешом в Питер гоняли – так, перетереть кое-что. Приезжаем – оба-на!! Тут такое кино! И по радио кричат, суки, мол, крупную банду, накрыли благодаря умелым действиям местного ОБОПа!.. Козлы!..

Николай надолго замолчал и отвернулся к окну. Видно, воспоминания давались ему нелегко. Сергей тоже молчал, уважая чувства молодого человека.

– Короче, – решил все же Колян закончить свое повествование, – после этого в городе никто против Джафара не шел.

– Ну а ты как дальше?

– Только не думай, что я к «черным» в бригаду полез, – прикончив остатки пива, отозвался Николай. – Я сам по себе. Есть у меня кореша надежные, – вновь понизив голос и быстро зыркнув по сторонам, проговорил он и спросил: – Ну а ты-то что молчишь? Ты зачем к нам в Веселогорск катишь?

– Тетка там у меня живет, вроде как дом мне свой оставить после смерти хочет. Родни ни у нее, ни у меня нет больше. Вот и решил сгонять посмотреть...

– А кто? Может, знаю? Как адрес?

– Да я на память не помню, она сама должна встретить меня на вокзале.

– Ну а чем планируешь заняться? – Николай не отставал от лысого мужчины.

– Там видно будет, – уклонился от ответа Сергей.

Сколько Николай ни пытался, он так и не смог вытянуть из собеседника, чем же, собственно, тот собирается заниматься в ближайшем будущем. Тот умело увел разговор в сторону, и получилось так, что они уже минут двадцать болтали ни о чем конкретно. Так... о погоде, о политике, о бабах. Напоследок, когда уже поезд гудком возвестил о скором прибытии на перрон, Николай достал ручку и написал пятизначный номер.

– Человек ты, Сергей, чувствуется, толковый! Если надумаешь заняться чем-то серьезным, не ленись, звякни. Я в городе людей знаю, меня знают. – На слове «меня» Колян специально поставил ударение.

– Спасибо, братан! – с чувством пожал ему руку лысый. – Если что, непременно тебе позвоню!

Непонятно, чего больше содержал в себе его ответ – благодарности за заботу о нем или сарказма по поводу значимости Коляна в уголовном мире Веселогорска.

Поезд окончательно замедлил ход, и состав, тряхнув пассажиров в последний раз, наконец остановился.

В окне был виден железнодорожный вокзал небольшого городка. Это было двухэтажное желтое здание, увенчанное

стальным куполом со шпилем. На двух лавочках у его стены сидели несколько человек встречавших. С прибытием поезда еще четверо – мужчина и три женщины – вышли из самого здания. Меж тем Колян, попрощавшись, пошел к себе за вещами, а Сергей, быстро взяв небольшой кожаный «дипломат», поспешил к выходу.

Спустившись на асфальт перрона, он кинул налево, вдоль вагона, быстрый взгляд. Не увидев своего собеседника, Сергей заспешил в сторону вокзальной двери. Быстро скрывшись за ней, он торопливо пересек зал ожидания и вышел с другой стороны.

На стоянке дежурили одно такси и пара частников. Больше и не нужно было – человек десять прибыло с этим поездом в Веселогорск. Да и то никто из прибывших, за исключением Сергея, не пожелал воспользоваться услугами автотранспорта. Один лишь лысый направился к желтому такси и по-хозяйски открыл дверцу.

– Куда вам? – не скрывая радости, спросил водитель.

Лысый уверенно сообщил адрес.

Больше не задавая вопросов, водитель круто вырулил перед двумя оставшимися конкурентами и быстро покатыл в нужном направлении. Николай бы очень удивился, если бы узнал, что никакая тетушка его недавнего собеседника не встречала. Да она и не могла его встречать, поскольку такой у лысого мужчины в дорогом пиджаке не было не только в

Веселогорске, но и вообще.

* * *

При дневном свете Веселогорск выглядел не сильно оживленным. Таким, что назвать его большим селом уже не поворачивался язык, а городом, с другой стороны, тоже можно было назвать лишь с натяжкой. Между тем в прежнее время тут было аж целых два крупных комбината, которые и являлись основой жизнеобеспечения города, давали рабочие места. За их счет строились девятиэтажки и пятиэтажки, куда заселялись работники с семьями. Оба гиганта функционировали и сейчас. Но были скорее похожи не на могучие атомоходы, с легкостью штурмующие полярные льды, а на две крупные баржи, которые в потоках послеперестроечных вод дрейфуют с остановленными двигателями. Команды этих самых барж наполовину разбежались, а те, кто остался, старались как можно быстрее избавиться от балласта. За «борт» шли станки, электрокары, сдавались в аренду складские помещения. Даже твердыня административных зданий не выдержала нажима развивающегося со страшной силой капитализма, и в святая святых комбинатов, на дверях, где раньше, скажем, висела золотая табличка «Главный инженер восьмого цеха», теперь красовалось что-то типа «ЧП Пупейко». И ниже: «Коммивояжерам вход воспрещен! Мы тут работаем!» Так вот, комбинаты – медленно садились «на мель». Но

зато в городе всюду развивалась коммерция. Хотя тоже не особенно густо – провинция есть провинция!

От железнодорожного вокзала к главной площади городка вела центральная улица, обставленная типовыми блочными пятиэтажками. Упиралась эта самая улица в административное здание. С другой стороны площади находилась недавно отреставрированная трехэтажка. Красная табличка рядом с тяжелой дубовой дверью гласила: «ГУВД города Веселогорска».

На втором этаже этого самого здания в кабинете у окна стоял полковник Ключкин Артем Юрьевич – начальник ГУВД Веселогорска.

Артем Юрьевич носил полковничьи погоны уже восьмой год. Получив в свое время по три больших звезды, он обмыл их как положено и успокоился окончательно.

Еще будучи курсантом, он усвоил истину, что у почти любого человека есть уже заранее запланированный потолок его возможного взлета в жизни. Его тесть был подполковником. Зять дослужился до полковника.

Покойный родственник не раз говорил, что у генералов есть свои дети и зятья, поэтому о погонах с большими звездами Ключкин особо не мечтал. В Питер, куда он рвался по молодости, со временем ему расхотелось. Его тесть, мудрый человек, вовремя убедил молодого и горячего зятя, что в Веселогорске тот со временем может стать первым, чего в Питере ему никогда не удастся сделать. «Запомни, Артюха, –

говаривал не раз он зятю за праздничной бутылкой, – лучше быть первым здесь, чем не знаю даже каким по счету там! Тут ты будешь для всех, слышишь, для всего города Артем Юрьевич. А там – неизвестный капитанишка или майоришка. Смотря как жопу начальству лизать будешь. Ноль без палочки. А тут ты будешь че-ло-век! Че-ло-век с именем!»

Ключкин отлично понимал философию тестя и соглашался со стариком. Конечно, бывший начальник ГУВД понимал жизнь. И не прислушиваться к его советам было бы большой глупостью.

Уже и сам немолодой, полковник, хмурясь, отогнул тяжелую портьеру и озабоченно смотрел на улицу. Погода в этот день радовала жителей города. Солнце сияло на голубом, без единого облачка небе. Легкий ветерок слегка шевелил листву тополей, стоявших зелеными свечками напротив кабинета начальника ГУВД. Желтоватые блики гуляли по асфальту площади. Стайка воробьев моментально образовалась почти посередине. Крохотные птахи обнаружили бесценное сокровище – печенюшка выпала у какой-то хозяйки из сумки или малыш, катавшийся минут пять назад на велосипеде, нечаянно обронил лакомство.

Вряд ли стайка воробьев, налетевших на выпавшее у кого-то печенье, озаботила начальника ГУВД. Он отпустил портьеру и вернулся к своему рабочему столу. Взгляд его упал на ориентировку. Ментовские ориентировки обычно передаются или телетайпом, или по электронной почте и ни-

когда не печатаются на бланках. На официальном бланке значилось: «Согласно оперативным источникам, на ПМЖ в Веселогорск предполагает прибыть особо опасный рецидивист Григорий Рублев, уголовная кличка Крытый...»

Артем Юрьевич перестал читать и наморщил лоб, припоминая: «Крытый... Крытый... Рублев... Точно! Он!»

Сразу вспомнилась кража почти двадцатипятилетней давности, совершенная в ювелирном магазине, когда злоумышленники забрали украшений и денег почти на тридцать тысяч рублей! Рублев проходил по этому делу. Получил он тогда шесть лет. Ключкин был тогда еще опером-старлеем. Рублева допрашивал он.

Артем Юрьевич хорошо помнил этот день. Пред ним предстал образ худощавого молодого человека, едва ли на много моложе его самого. Старший лейтенант с азартом взялся за самого молодого из подельников. Ему казалось, что расколоть Григория не составит труда. Но шли дни, а серые глаза все так же насмешливо следили за срывающимся порой на крик старшим лейтенантом. Надолго этот взгляд остался в памяти Артема Юрьевича. Чистосердечного признания от молодого Гриши Рублева Ключкин так и не добился.

Вспомнив этот эпизод из своей жизни, полковник принялся читать дальше: «...По оперативным данным, Рублев является так называемым „положенцем“. Те же источники сообщают, что на Рублева воровским сходом возложены функции „смотрящего“ в Веселогорске, о чем и докладываем вам.

Во избежание ухудшения криминогенной обстановки в городе, рекомендуем обратить на это особое внимание...»

Дальше полковник читать не стал. На что обратить внимание, он и сам прекрасно знал. «Черт возьми! И нужно было ему именно мне на голову свалиться! Понесла нелегкая этого героя на родину!» – со злостью подумал он о Крытом. Полковник сделал несколько шагов и опять остановился около окна. «Сколько лет наводил порядок в этом сраном городке! И только устоялось, как опять все коту под хвост! – думал полковник, глядя на то, как воробьи наконец раскрошили печенье и взлетели, растаскивая лакомство по мелким кусочкам. – Вот то же самое и с городом будет! Сейчас один Джафар со своими парнями, но с этим хоть разговаривать можно. Свиридов хорошо умеет это делать. А вот Крытый... Этот с принципами своими постылыми! На кой ляд его сюда нелегкая принесла! Такой спокойный городок был!» Воробьи тем временем растащили остатки печенья и окончательно разлетелись в разные стороны.

Недовольно поморщившись, полковник позвонил оперативному дежурному и приказал разыскать начальника ОБО-Па майора Свиридова.

Майор Леонид Вадимович Свиридов появился довольно скоро. Одет он был в светлый пиджак, черные брюки и темную рубашку. Встряхнув рукавом, он поправил на запястье дорогие часы и спросил:

– Вызывали, товарищ полковник?

Люди, не знакомые со Свиридовым, никогда бы с виду не признали бы в том главу грозных борцов с организованной преступностью. Скорее Леонид Вадимович своей внешностью и повадками походил на коммерсанта средней руки, который начинал свой перестроечный путь бандитом мелко-го пошиба, затем купил пару магазинчиков и стал неожиданно убеждать окружающих людей в том, что он теперь вполне мирный человек и больше никого пытать утюгом не станет. Был он крупным мужчиной со слегка покатыми плечами. Светлые волосы коротко острижены. Глаза неопределенного цвета – какого-то грязно-синего, глубоко посажены в глазницы, отчего взгляд Леонида Вадимовича всегда казался подозрительным. Крупный нос и сжатые в узкую полоску губы дополняли портрет начальника городского ОБОПа.

Начальник ГУВД протянул ему руку, и тот сердечно пожал ее.

– Прочитай, – Ключкин подал майору депешу из УИНа на Крытого.

Тот лениво пробежал ее и протянул назад начальнику.

– Я все это уже знаю, Артем Юрьевич, – не без доли хвастовства сообщил он Ключкину.

– Да? – удивленно изогнул бровь полковник. – Что, может, знаешь, и какие меры необходимо принять?

– Артем Юрьевич! Я знаю, как вам дорог наш город! – несколько с пафосом начал «бывший бандит», чем вызвал немного ироничную улыбку начальника. – Но мне он тоже

дорог! Артем Юрьевич! Предоставьте мне возможность самому решить этот вопрос. Я сделаю все возможное, чтобы прибытие этого самого Крытого не повлияло на общественный порядок и повышение криминогенной обстановки в целом.

– Да? – Несколько ошарашенный такой речью обоповца, Ключкин даже на мгновение растерялся. – А в самом деле! Это же ваша прямая забота! Тем более прибывает к нам не кто-нибудь, а фигура очень значимая – «смотрящий» города, без пяти минут коронованный вор! Так что давай действуй!

– Разрешите идти?

– Иди, Леонид Вадимович.

Едва за ним закрылась дверь, полковник вернулся к окну и вновь отогнул портьеру. На месте улетевших воробьев топтался неповоротливый толстый голубь, выискивая оставшиеся крошки. Полковник чему-то своему довольно хмыкнул и отошел от окна.

* * *

Эта пятиэтажка по улице Зеленой не выделялась среди подобных себе абсолютно ничем – так, одна из пяти, стоящих параллельно друг другу.

В квартире номер двадцать два на третьем этаже сидел на скрипучем старом табурете тот самый лысый Сергей, которого должна была встретить в Веселогорске заботливая тетя.

Он сидел в майке на кухне и читал газету. На столе стояла бутылка пива, открытая банка шпрот и еще одна – с чем-то непонятным, смахивающим на овощной салат.

Квартиру его образцовой назвать было бы просто кощунственно. Чувствовалось, что хозяина мало заботило его жилище. Никакой тети в хате и в помине не было! Не было даже следов ее присутствия. А вот именно следы отсутствия заботливой женской руки имелись повсеместно. Проявлялись они в чем угодно: в грязных подоконниках, в окурках, затушенных в консервной банке. Мебель была под стать хозяину: все самое необходимое и никаких излишеств. Единственное, что выделялось из однородного натюрморта всеобщей обветшалости и запустения, так это новый импортный телевизор. В этой квартире он выглядел скорее дорогим гостем. Он да еще телефонный аппарат. Последний как раз подал голос, отрывая хозяина от чтения газеты.

Сергей отложил свежий номер «Новостей» и снял трубку. – Да... да. – По голосу Сергея невозможно было догадаться, разговор ему приятен или нет. – Да... «Смотрящим»?.. Я понял... Не бойсь! Встречу, век воли не видать!

Мужчина положил трубку и на некоторое время задумался, массируя подбородок пальцами. Лицо его неожиданно исказилось хищным оскалом и, довольно рассмеявшись, он потер руки. Потом, щелкнув украшенными синими перстнями пальцами, он принялся быстро нажимать на кнопки телефона.

В двух кварталах от ГУВД находилась детская музыкальная школа.

Из-за дверей, ведущих в актовый зал, доносились звуки, свидетельствующие о том, что там вовсю идет репетиция. Периодически звуки обрывались, и слышался властный женский голос:

– Так-так! Все замечательно, но вот ты, Миша, опаздываешь! Давайте еще раз!

Командовала всем этим пожилая полная дама с двумя толстыми косами, закрученными рулетом на затылке.

– Итак, начали. – Дирижер взмахнула палочкой, и струнный оркестр начал свою работу. – Нет, нет! – остановила она в очередной раз музыкантов. – Миша, теперь ты спешишь! Ты включаешься после Кати! Катерина, начнем с тебя!

Взмахнув смычком, девушка заиграла. Но чарующие звуки были остановлены взмахом палочки, поскольку как раз в этот самый момент дверь в актовый зал открылась и появился худой мужчина в больших очках на крупном мясистом носу.

– Раиса Аркадьевна, прервитесь, пожалуйста.... Катя, к тебе приехал мужчина... Гм, гм... – Заметно было, что директора школы что-то сильно смутило. – Этот мужчина говорит, что он твой дядя.

– Дядя? – удивленно переспросила красивая девочка с большими бирюзовыми бантами.

– Да-да, – часто закивал директор школы, – дядя Гриша. Ты бы вышла к нему, – как-то даже немного робко попросил он девочку.

Раиса Аркадьевна ошеломленно смотрела на директора. Таким растерянным она его видела последний раз года два назад, когда к ним неожиданно пожаловала важная питерская комиссия. Между тем девушка, уложив инструмент в футляр, под любопытными взглядами всех присутствующих быстренько вышла из зала. Директор почтительно пропустил ее и осторожно прикрыл дверь. Раису Аркадьевну это добило окончательно. Она махнула рукой и объявила всеобщий перерыв.

Первое, что бросилось Катерине в глаза на улице, так это шикарная иномарка салатного цвета. Девушка не знала, как называется эта машина, но она как-то сразу поняла, что тачка страшно дорогая. И еще она знала, что раньше в городе такой никогда не видела.

Рядом с роскошной машиной стоял мужчина. Одет он был дорого и со вкусом. При появлении девушки незнакомец снял темные очки и улыбнулся ей.

– Катюша?

Черноволосая скрипачка подошла к нему и кивнула, чуть застенчиво улыбаясь.

– А вы?..

– Дядя Гриша. Ты меня, наверное, не очень-то помнишь? Девчушка засмущалась еще больше.

– Сам виноват. Нечасто навещался, – усмехнулся Крытый, добродушно подмигивая Катерине.

Увидев свою выросшую племянницу, Григорий ощутил незнакомое раньше смущение. Просто, когда он мимоходом приезжал последний раз к своей сестре, тогда еще живой и здоровой, Катюша совсем недавно научилась выговаривать слово «мама». Теперь перед ним стояла взрослая девушка, без пяти минут невеста. «Как время бежит!» – невольно подумал Крытый, сам открывая для племянницы заднюю дверь «Мерседеса». Он сел с ней рядом и, весело улыбнувшись, предложил:

– Не был у нас в Веселогорске много лет. Дела, знаешь. Давай немного покатаемся по улицам, а? А потом я отвезу тебе к бабушке Гале.

Катерина согласно кивнула и вновь улыбнулась. Она немного смущалась своего неожиданно появившегося дяди, смущалась его роскошной машины. Смущалась и того, что фаланги пальцев новоявленного дяди украшали наколки в виде перстней. Но в то же время девушка ловила себя на мысли, что ей приятно будет наблюдать реакцию подруг, как они будут смотреть на нее полными беспредельной зависти взглядами, когда она выйдет из этой машины во дворе собственного дома.

Водитель покосился на них и, услышав последние слова

Григория, плавно тронул с места. Когда машина гордо вырुлила на середину «центряка», заставляя тесниться к обочине «Москвичей» и «Жигули», он ткнул пальцем в клавишу магнитолы, и из динамиков возник хрипловатый голос: «Вот я откинулся, какой базар-вокзал! Купил билет в совхоз Большое Дышло, Ведь я железно с бандитизмом завязал...» Аркадий Северный не успел допеть куплет, как у только что откинувшегося горемыки «лажа все же вышла». Раздался повелительный голос Крытого:

– Сеня! Выключи эту бодягу! Поймай что-нибудь культурное.

Валера Сенин, откликающийся одинаково на имя и на происходящую от фамилии незатейливую кличку, моментально вырубил магнитофон и защелкал клавишами. После непродолжительных поисков салон неожиданно заполнился нежными звуками скрипки. Коренастый водитель вопросительно покосился на пахана, и тот молча кивнул. Покатит, мол! В свою очередь, Григорий посмотрел на Катюшу, прижимавшую к себе футляр со скрипкой. «Наверное, ей должна нравиться такая музыка!» – подумалось ему. Действительно, только Катерина могла из них троих по достоинству оценить скрипичный концерт Венявского.

Крытого невольно очаровала незнакомая мелодия. Сейчас она совпадала с настроением радости свободы, перемешанной с легкой грустью, тоской по безвозвратно ушедшим годам.

Легкие волны безмятежной мелодии заставили его отвернуться к окну. Он вглядывался в давно забытые улицы и переулки, дома, магазины, мелькавшие за окном. Сквозь разнообразие перемен он с радостью улавливал что-то знакомое. «Там, кажись, универмаг был. Точно. А сейчас, интересно, что там?» – глядя на большую вывеску с чудной надписью «Хоббит», думал Григорий. Он покосился на племянницу, не удержался и спросил:

– Катя, что там, магазин?

– Где? – переспросила девчушка.

– Да этот... «Хоббит»!

– Там торговый центр!

– Надо же! – покачал головой Крытый, а про себя удовлетворенно подумал: «Значит, как был универмаг, так и остался универмагом!» – Подкати к нему, – попросил он водилу. Ему захотелось сделать Катерине какой-нибудь подарок.

Сеня остался ждать их в машине, жуя спичку, думая о своем и полностью игнорируя скрипку. Сегодня погода выдалась на редкость жаркая. С непривычки Валера Сенин сначала забыл, что этот крейсер, вверенный ему в управление, оснащен кондиционером, и стоит только нажать кнопку, как салон через минуту заполнит приятная прохлада.

Водитель достал сигарету и открыл дверцу. Сплюнув на асфальт, он закурил, ловко отщелкнув спичку под колеса прогремевшего мимо грузовика.

Ждать Сене шефа и его племянницу пришлось с полчаса.

За это время он успел выкурить уже одну сигарету и начать новую. Увидев, как служащий торгового центра услужливо открывает дверь, он решительно выкинул недокуренную сигарету и вышел из машины.

Вскоре появились Крытый и Катерина. Они шли к машине, довольно болтая. Позади семенил толстенький мужчина с объемным пластиковым пакетом, который ему приходилось держать в охапке.

– Открывай багажник! – распорядился Григорий.

– Всегда рады вас видеть! Приезжайте почаще! – расшаркиваясь, тенорком щебетал толстяк, не забывая дарить улыбку и полные любви взгляды поочередно всем троим: Крытому, Катерине и, на всякий случай, Сеньке.

Крытый, чтобы отвязаться от него, сунул мужичку купюру. Шикарная тачка понесла дальше своих пассажиров. Мелькали светофоры, перекрестки.

Постепенно Григорий разговорился со своей внучатой племянницей. Разговаривая на общие темы, он потихоньку выяснил, что происходило в ее семье в те годы, пока он «парился» за хозяином. Сестра его умерла, и девочка жила вместе со своей бабушкой – двоюродной теткой Григория. Насколько Григорий помнил тетю Галю, он мог только посочувствовать юной родственнице. Заметив, что девушка украдкой бросает тревожные взгляды на его часы, спросил:

– Катерина, ты из школы во сколько должна вернуться?

Оказалось, что девушка уже полчаса как должна быть до-

ма.

– Валера, дави на газ! – сразу же распорядился Крытый. – Катерину нужно срочно доставить домой!

Сеня хорошо знал свое дело. Машина быстро прибавила скорость, поторапливая зазевавшихся на светофорах водителей мягким звуковым сигналом. Меньше чем через десять минут они вкатили во двор типовой девятиэтажки. Катерина с затаенной радостью отметила, что ее подружка Светка как раз треплется у подъезда с Ленькой с шестого этажа. Да к тому же и Андрей вышел из подъезда! Вообще клево!

Подростки действительно вытаращили глаза на невиданное заграничное чудо-юдо. Таких тачек в их городке просто не было.

– «Шестисотый»! – со знанием дела глядя на машину, важно заявил Светкин парень.

Андрей как раз поравнялся с ними, когда машина остановилась у Катиного подъезда.

– Интересно, чья это такая тачка? – с нескрываемой завистью спросил он у сверстников, не отрывая глаз от салатного цвета шедевра германского автомобилестроения.

– Сейчас увидим, – по-философски мудро решила вопрос Светлана.

Когда же из машины грациозно выпорхнула Катерина, все трое от изумления пооткрывали рты. Катерина с бабушкой жили небогато, если не сказать больше. Поэтому приятели Катерины и были так ошарашены, когда увидели сверстни-

цу, покидающую салон чудесной машины. Девушка, естественно, это тоже заметила и весело помахала приятелям рукой. Крытый тоже вышел из машины и быстрым, привычным взглядом окинул двор. Он сразу убедился, что они стали всеобщим центром внимания. Не только Катькины приятели, но и выгуливающие сопливых внуков и внучек бабули с нескрываемым интересом таращились в их сторону. Мужик, до их появления утопавший верхней половиной туловища под капотом убитой «двойки», теперь прочно припаялся взглядом к «мерсу» и его пассажирам.

– Я наверх с тобой не пойду, – решительно объявил Григорий. Насколько он помнил Галину Захаровну, бабушку Катерины, общение с ней никогда не доставляло ему удовольствия. И вообще, Крытый по жизни не любил всех этих родственных сюсюканий, на которые так горазды женщины. Словно вспомнив о чем-то, он полез в карман и достал кошелек.

– Вот, возьми, – быстро проговорил он, торопливо доставая серовато-зеленые купюры. Отсчитав несколько штук, протянул Катерине. – На первое время. Потом еще подкину.

– Зачем? – удивилась племянница.

– Бери, – с неуклюжестью медведя, решившего приласкать птенца, сунул ей баксы Григорий.

Он не помнил, когда ему приходилось последний раз так смущаться. Да еще на глазах у стольких людей. Хотя они все были ему глубоко до лампочки.

– Сеня... то есть Валера тебя проводит! – чтобы не затягивать паузу, распорядился он.

– Спасибо, – поблагодарила Катерина, пряча деньги.

– Ну, все, – помахал ей рукой Крытый. – Привет Галине Захаровне! Как-нибудь еще заеду!

Катерина уже со ступенек помахала ему рукой и, довольно рассмеявшись, скрылась в подъезде. Сеня потопал следом за племянницей своего пахана. У лифта Катерина, довольная донельзя всеми чудесами, свалившимися на нее в последний час, поздоровалась с Прасковьей Федоровной – единственной женщиной в их дворе, кто мог часами общаться с ее бабушкой. Та строго посмотрела на нее, на молодого человека с пакетом в руках, справилась о здоровье своей подруги и величественным шагом пошла к подъездной двери.

* * *

Галина Захаровна никогда не пользовалась популярностью не только у родственников, но и вообще у людей, с которыми приходилось ей сталкиваться, плывя по бурному течению реки жизни. Виноваты в этом были две черты ее характера: болтливость и вспыльчивость. Что касается первой, так она превосходила все разумные пределы. Часами Галина Захаровна могла нести всякую чушь, совершенно игнорируя тот факт, что предполагаемый слушатель давно начи-хал на нее и совсем позабыл про сумасбродную бабку. Вто-

рая особенность проявлялась реже, но зато была совершенно непредсказуема по своей сути. Когда баба Галя обижалась на кого-то, то надувала губы и демонстративно не замечала обидчика. Соседи молились на то, чтобы говорливая бабка была вечно обижена на них – это освобождало от необыкновенно утомительной обязанности по полчаса выслушивать ее рассказы, переминаясь с ноги на ногу на лестничной площадке у своей двери.

– У, ведьма старая, – всегда косился в ее сторону Родион – слесарь-сантехник из жилого массива. – Опять пошла свободные уши искать!

Единственный человек, кто мог с ней уживаться, – так это любимая внучка Катерина. Вот и сейчас, когда в дверь позвонили, Галина Захаровна, уперев руки в бока, с самым решительным видом ринулась открывать дверь. «Сейчас я скажу этой засранке, как волновать меня на старости лет!» – нахмутив брови, подумала она. Но когда Галина Захаровна увидела свою внучку на пороге, все готовые сорваться с языка слова куда-то подевались и вместо этого получилось смущенное:

– Катя, я же волнуюсь! Такое движение, а по Северной все носятся, как ненормальные... – Тут старуха заметила за спиной внучки незнакомого мужчину квадратного телосложения, безучастно осматривающего подъездный распределительный щиток.

Несколько секунд бабка хлопала глазами, рассматривая

гостя, а потом буквально засыпала внучку вопросами:

– Катерина, почему ты не представляешь мне человека? Это ваш преподаватель? Почему ты молчишь? Что за пакет у него в руках?..

– Бабушка, тыпустишь нас в квартиру?! – самым решительным образом перебила ее внучка.

Галина Захаровна на секунду замолчала и посторонилась. Сенья, воспользовавшись этой паузой, тотчас сунул в коридор пакет и, буркнув: «Всего хорошего», быстро ретировался. Запоздалое: «Молодой человек, подождите!» – уже вполне можно было не слышать, что и сделал водила Крытого.

– Так, Катерина... – решительно уперев руки в бока, набросилась было на нее бабка, когда за ними закрылась дверь.

– Бабуль, – вновь перебила ее девушка, поскольку это была единственно возможная форма общаться с говорливой бабкой. – Меня дядя Гриша подвез. Представляешь, у него такая машина!

– Дядя Гриша? Какой дядя Гриша? – сразу заинтересовалась старуха.

Она уселась на стул и принялась усиленно вспоминать, кто же может быть для ее внучки «дядей Гришей»?

– Это уж не Нинки ли Рублевой сын? – спросила сама себя женщина вслух. – Так он из тюрем не выходит! Откуда у него машина? Да и на кой черт, прости господи, он к нам приедет? Его с семьей собаками по всему свету не сыскать! – Старуха еще долго причитала, вспоминая непутевого, с ее точки зре-

ния, племянника. — У него шрама на щеке нету? — на всякий случай поинтересовалась она у внучки, и та незамедлительно подтвердила, что шрам у вновь приобретенного родственника действительно имеется. — Ой! Точно он! Откуда же у него машина?! — тотчас всполошилась бабка. — Украл поди.

— Таких машин у нас в городе нет, — резонно заметила девушка. — Да и не похоже на то, что украл. Ты бы видела, как продавцы перед ним плясали в «Хоббите»! Кстати, он и тебе подарок купил.

— Подарок... Какой подарок? — разом позабыв про горести, которые сулит ее внучке общение с племянником Гришкой, заинтересовалась Галина Захаровна. Катерина пошла за пакетом, который остался лежать в прихожей. — А что за мужик сумку-то нес? — окликнула она внучку.

— Валера. Водитель его, — отозвалась та.

— Надо же! — невольно поразилась бабка.

— Вот, держи! — протянула ей один из полиэтиленовых пакетов девушка. Через прозрачную пленку соблазнительно виднелась ярко-синяя ткань.

— Что это? — загорелась старуха и, зашелестев упаковкой, достала из пакета роскошный шелковый халат благородной расцветки. — Ой! — только и смогла тихо вымолвить бабуся, и на ее глаза от умиления навернулись слезы. Она надела халат поверх старого и, заулыбавшись, кокетливо спросила у внучки: — Ну как?

— Чудесно, бабуля!

– Денег, наверное, больших стоит? – подумав о своем, спросила Галина Захаровна.

– Баб, а дядя Гриша нам и денег дал. Доллары.

Она отдала их бабке, и та с недоумением уставилась на иностранные деньги.

«Ох ты! Деньжищи-то какие! – думала она, попутно сообщая, куда бы спрятать неожиданно свалившийся на них с внучкой клад. – Точно – какого-нибудь миллионщика ограбил Гришка! Надо найти его и отдать, а то и меня на старости лет посадят, чего доброго!»

Руки лихорадочно шарили в буфете, стараясь отыскать среди залежалого барахла предмет, в который можно было бы положить деньжищи!

«А может, никого он не ограбил? Может, он это, из „новых русских“, – развернулась мысль бабушки Катерины на сто восемьдесят градусов. – А что?! По телевизору показывают, что они тоже раньше все в тюрьме сидели, а сейчас поголовно бизнесменами стали!»

– Катя, а чем он занимается? – закрывая дверцу буфета на ключ, поинтересовалась пожилая женщина у внучки.

Но та проигнорировала вопрос Галины Захаровны, поскольку ее уже полчаса как мучила совершенно другая мысль.

– Бабуль, а мы новый телевизор теперь купим?

Вопрос остался без ответа, так как в дверь вновь позвонили. Вездесущая бабулька поспешила сама открыть.

– Катерина, это к тебе, – медовым голосом объявила она, улыбаясь.

«Значит, пришел Андрей», – догадалась девушка и пошла встречать однокашника. Из всех ее приятелей бабушка жаловала этого мальчишку больше остальных, поскольку он тоже учился в музыкальной школе, слыл тихим и послушным. Вдобавок Андрей был из очень обеспеченной семьи, и Галина Захаровна втайне лелеяла надежду, что, когда придет время, тот женится на ее красавице-внучке.

– Привет, – поздоровался паренек, разуваясь. В глазах его открытым текстом застыл вопрос, что невольно вызвало веселый смешок у Катерины. – Классная машина! – отдавая ей книжку, которую брал читать еще месяц назад, похвалил Андрей. – Таких в городе ни у кого нет! А кто это?

– Мой дядя, – не без гордости ответила ему девочка.

– Сын моей двоюродной сестры, – в свою очередь не преминула встрять в разговор Галина Захаровна.

– А кто твой дядя? – живо задал следующий вопрос молодой человек.

Бабушка Катерины открыла было по привычке рот, но сказать на этот раз ей было нечего, поскольку она и представления не имела, чем мог заниматься Григорий Рублев. Последний раз она видела его лет десять назад, когда тот в очередной раз вернулся после отбытия срока.

Выручила Катерина, неожиданно объявившая, что дядя Гриша работает юристом в солидной питерской фирме.

– Да? – почему-то засмутился Андрей и тут же вновь добавил: – Классная тачка! Уж я-то в них разбираюсь! У моего папы автосалон свой! Каких только машин я у него не видел!

Андрей для приличия еще поторчал немного и, поскольку его любопытство было удовлетворено полностью, покинул квартиру своей одноклассницы.

* * *

Этот цех одного из двух комбинатов начали строить еще в то время, когда всем без исключения на горизонте виделось золотое будущее коммунизма и стройки, какими бы грандиозными они ни были, всегда вмещались в пять лет. Эта тоже должна была возвестить своим появлением, что в ведущей социалистической стране все тип-топ, но... Но нахлынули ветры перемен, зазвучали слова «консенсус», «многопартийность».

Заводу стало не до введения новых мощностей – как бы удержать на плаву старые. И проект нового цеха так и застыл на необозримые времена бетонным каркасом за большим пустырем. Из города сюда вела только одна дорога, давно заброшенная и не представляющая ни для кого абсолютно никакого интереса. Тем более удивительно было наблюдать, как в часы вечернего заката в сторону стройки довольно быстро двигалась «Волга» с козырными номерами.

В Веселогорске хорошо знали эту машину в определенных

кругах, гаишники никогда не останавливали ее, хотя летала она по городу – будь здоров, не считаясь со светофорами. Стекла ее, кроме лобового, были затемнены. Гоняла машина во всю мощь, долгим сигналом расчищая себе путь на улицах Веселогорска. Сейчас же ее сдерживали только рытвины и ухабы. Тонированные стекла зло поблескивали в закатных лучах.

Обогнув замершего навеки гиганта, машина резко тормознула у небольшого леска. Тотчас из-за него навстречу ей вырулила «девятка» и, не доезжая, остановилась в ста метрах. Открылась водительская дверца, и из чрева тачки показался усатый кавказец средних лет. Не сказать, что человек этот был крупным. Среднего роста и самого обычного телосложения, но производил он невольно впечатление сильного, волевого человека. Сразу почему-то становилось ясно, что он может только командовать. И дело было не в том, что он носил усы – примерно такие же, какие украшали вождя всех народов в славном прошлом нашей родины. Взгляд у усатого кавказца тоже был под стать своему царственному предшественнику.

Хлопнув водительской дверцей своей машины, он бодро направился к «волжанке». Одет он был по погоде: легкие черные брюки и белая как снег рубашка с короткими рукавами. На ногах – итальянские туфли. На правой руке – массивная золотая печатка.

Открыв дверь «Волги» рядом с водителем, он на всякий

случай бросил по сторонам опасливый взгляд и сел в салон. За тонированными стеклами не было видно, кто прикатил на старую дорогу за городом. Между тем «джигита» поджидал тот самый Свиридов – начальник городского ОБОПа. Он покосился на усатого и вместо приветствия довольно флегматично поинтересовался:

– Догадываешься, Джафар, зачем мы с тобой встретились?

– Не очень, Леонид Вадимович, – осторожно ответил тот, напряженно всматриваясь в лицо мента.

– Ты вообще следишь за жизнью? – гнул свое начальник ОБОПа.

– К чему вы это? Положенное за этот месяц вам передали, насколько я в курсе, – стараясь понять, куда клонит человек, сидящий за рулем «Волги», осторожничал Джафар.

– Не об этом речь, – отмахнулся от него Леонид Вадимович. – Ты знаешь, что Гриша Крытый откинулся?

– Кто это? – в свою очередь любопытствовал Джафар.

– «Кто это?» – передразнил его начальник ОБОПа. – Кандидат на «законника», Григорий Рублев по кличке Крытый. Воровской сходняк решил, что быть ему «смотрящим» в Веселогорске.

– Как это – «смотрящим»? – опешил от такой новости чернотусый.

– А вот так! – с изрядной долей издевки в голосе ответил Леонид Вадимович. – Раньше «коммерсы» под твоей кры-

шей ходили, теперь под него лягут.

– Почему это?

– Да потому, что двух авторитетов на наш маленький городок чересчур много.

Усатый сидел и тарашился на Свиридова с откровенно выраженным во взгляде недоверием. И дело было не в том, что Джафар сомневался в его словах – наоборот, был уверен, что начальник городского ОБОПа говорит истинную правду. Просто слишком ошеломляющим оказалось для него это известие.

– Сам понимаешь, нам, милиции, новая война в городе ни к чему, – немного помолчав, добавил Леонид Вадимович. – Да и тебе, Джафар, я так полагаю, это тоже совсем ни к чему.

Кавказец задумался. Действительно, приезд Крытого стал ему как кость в горле. «Прав мент, точно под себя все подомнет блатной! – лихорадочно соображал Джафар. – Понаташит в город своих синяков раскрашенных!» Джафар относился презрительно к уголовным авторитетам, считая их традиции показным фарсом, а воров – пережитком прошлого. Однако он понимал, что все же они являются силой, с которой приходится считаться.

– Что же делать? – спросил кавказский лидер.

– А вот это уже твоя забота, дорогой, – похлопал его по плечу начальник городского ОБОПа. – Делай что хочешь, но Крытый в городе нам не нужен.

Джафар понял, что разговор окончен, и, попрощавшись,

отправился к своей тачке. Леонид Вадимович круто развернулся, и «Волга» с тонированными стеклами, благополучно преодолевая колдобины, покатила к Веселогорску.

Джафар, подождав немного, тоже включил передачу. Разговор с майором мало обрадовал усатого кавказца. В жизни у него сложились определенные стереотипы. По его мнению, первое, что должен был сделать Крытый, так это попытаться разобраться с ним, поскольку сам Джафар поступил бы именно так!

Красный закат бил прямо в глаза, заставляя прищуриваться. Лидер кавказцев вел машину не торопясь, стараясь спокойно обдумать создавшееся положение.

* * *

В пригороде Веселогорска расположился небольшой поселок, стоящий особнячком. К нему из города вела широкая и ровная асфальтированная дорога. Дело было не только в том, что трасса потом уходила на Питер. Обитатели поселка никоим образом не относились к категории неимущих граждан нашей страны.

Крытый обосновался в этом поселке. Он не зря сказал корешам, когда сидели за «отходной», что ему нужно заскочить в Питер и получить должок. Снял он стружку по полной программе. Кроме денег к нему отошел и тот самый «мерс», на котором он катался с племянницей. Рокер по его просьбе

подыскал ему хибару.

Один веселогорский коммерсант, отгрохавший это чудо, неожиданно прогорел. Рокер с корешами перетер дело, и дачка отошла «смотрящему». Местные кореша Рокера были рады помочь ему в этом. Слух о том, что Крытый – человек достойный, уже прокатил по Веселогорску. Впрочем, пацаны не остались внакладе – Рублев честно расплатился с каждым.

Непривычный к роскоши, Григорий поначалу чувствовал себя неуютно, но куда денешься – новое положение обязывало. В самом Веселогорске Григорий снял себе квартиру для постоянного проживания, в шутку заявив, что на такой территории, как его новый дворец, он долго находиться не может – боится потеряться. Дача в самом деле была шикарная, способная вместить полноценный взвод.

Утром, сидя на веранде, Рублев наблюдал, как Сеня с Олегом Заметным режутся в карты. Один из его «пристяжных» уехал в город – собрать ребят «с понятиями». До его приезда оставалось еще навалом времени. Сеня конкретно обувал Заметного, и тот начинал злиться.

– Ну вот, а еще бухгалтер, – подначил его Валера, обыгрывая в очередной раз.

– Все! Хорошо! – Замет бросил карты на стол, поднялся и, сделав круг вокруг стола, плюхнулся на место. Такое поведение не могло не вызвать смех, и Крытый с Сенькой весело загоготали.

– Не везет в карты, повезет в любви, – философски заме-

тил Григорий. – Не парься, еще отыграешься!

– Да ему фарт с утра валит! – никак не мог смириться с опустошением своего кошелька Олег.

– Ничего, кореш, к вечеру и тебе подвалит! – попытался утешить приятеля Сенька.

Крытый не первый год знал обоих. С Олегом он тянул второй срок, с Сенькой – последний.

Валера Сенин по кличке Сеня работал по машинам – угонял на заказ. Последняя его отсидка была связана именно с этим. А когда-то он, еще молодой шофер, по неосторожности сбил человека. Тот, как говорится, отделался легким испугом, но оказался человеком вздорным. Он стал требовать, чтобы виновного наказали по всей строгости закона. Валера получил свой первый трояк. Потом пошло-поехало.

Заметный сел еще раньше. Он был главбухом на предприятии со скромным названием «Донстрой». Попал он туда после института и за пять лет из скромного клерка по имени Олежка вырос в главного бухгалтера Олега Викторовича. Во многом этому способствовала его женитьба на дочери зама главного – тощей рыжеволосой девице, вечно всем недовольной. Из-за нее по большей части он и погорел. Ей всегда было всего мало, она пилила мужа за то, что имущество в их доме нажито только стараниями ее и тестя Заметного. А сам Олег – никчемный лодырь! Заметный старался как мог, но результатом этих стараний явилось то, что однажды в его кабинет постучали двое представительных мужчин и предъ-

явили корочки красного цвета. Работники ОБХСС объявили Олегу Викторовичу, что разговор у них будет долгий и серьезный. После этого серьезного разговора Олегу пришлось покинуть свой роскошный кабинет, поскольку он был провожден в тюрьму.

Следствие длилось почти год и закончилось для Заметного конкретным сроком в семь лет. После отсидки он потерял не только бухгалтерскую работу, но и жену с ребенком. Она развелась с мужем, пока тот топтал зону под Саратовом.

Там он и познакомился с Григорием. Тот здорово помог ему на первых порах, поскольку первоходка Заметный сразу попал в клещи. Тамошняя гнилая блатата почему-то решила, что у Заметного остались деньги на воле, и попыталась сломать мужика, чтобы потом качать из него в собственный карман. Несколько раз Григорию пришлось впрягаться за него. Причем война шла не на жизнь, а на смерть. Потом он ни разу не пожалел об этом: такого преданного и верного друга приобрел он в лице бывшего бухгалтера...

Крытый не спеша отправился к холодильнику за пивом. Замет с Сеней остались на веранде.

– Скоро они приедут? – посмотрев на часы, вздохнул Валера.

– Что, не терпится определить, сколько лавэ можно скачать? Лавэ тоже в жизни не последнее дело, – скупно улыбаясь, отозвался Олег. – Да и почему «комки» должны каким-то «черным» беспредельщикам отстегивать, а не нам?

– В этом ты прав, – согласился с ним приятель, – только...

– Что «только»? – уловил перемену в его настроении кореш.

– У этого Джафара харь двадцать. И все, поди, со стволами!

– Ну и что?

– Зря Крытый с собой кодлу не взял, – вздохнув, высказал свое мнение Валера.

– А на хрен она мне? – отозвался Григорий, появляясь с бутылкой «Балтики» в руках. – Чем я лучше этого самого Джафара буду, если сразу начну с того, что буду мочить народ направо и налево? Но ты еще одно забыл: за ним менты стоят, поэтому он и гуляет со стволами, как хозяин. А если меня или, к примеру, тебя со стволом прицепят, что тогда будет? Вот то-то!

– Как бы того, не замочили бы... – покачав головой, осторожно высказал свои опасения Заметный.

– Еще один паникер! – отозвался насмешливо Крытый. – Кто сказал, что мы дадим себя, как овец, резать? Этот Джафар тоже не дурак, должен понимать, что фуфела смотреть за городом не поставят. Значит, за себя постоять может. Да и ссориться с братвой вряд ли он захочет! Двадцать стволов – это не армия. Если дело на дело пойдет, и у нас найдется, чем ему ответить!

– Да, за тебя любой из наших подпишется не задумываясь, – поразмыслив, ответил Сеня, – но все-таки стремно-

вато как-то.

– Да что с вами с утра такое? – поразился Крытый упадническому настроению своих людей. – Пивка, что ли, глотните! Еще ни коня, ни воза, а вы уже скулите! Во-он, смотрите, Рокер катит. Сейчас он нам новости и объявит, – Рублев кивнул в сторону дороги, по которой приближался на мотоцикле посланный им в город человек.

Третьего «пристяжного» Крытого прозвали Рокер из-за его пристрастия к мотоциклам. Парень был из молодых, но уже успел «прогреметь». Свою любовь к стальному зверю он объяснял тем, что мотоцикл имеет большую маневренность и при определенных обстоятельствах на нем легче скрыться, чем на машине.

Глядя со второго этажа на приближающийся «Харлей», Григорий размышлял о своем новом положении. Впрочем, оно мало чем отличалось от его обычной жизни – Рублев жил «по совести» и никогда не изменял воровским традициям. А это значило, что с ментами и беспредельщиками он был всегда в состоянии войны. Он понимал, что миром с кавказцами разойтись вряд ли удастся. Джафар, по слухам, был еще тот тип – полный беспредельщик, понимающий в жизни только разговор с позиции силы. Это-то больше всего и волновало Крытого. Войны самой по себе Гриша не боялся – за свою блатную карьеру ему пришлось разное повидать. Не раз он участвовал в тюремных разборках, ставя на место какого-нибудь зарвавшегося «быка». Особенно последнее вре-

мя, когда «святым ремеслом» стали заниматься все, кому не лень. И Джафара можно было бы обломать. Хуже другое: за ним менты стояли. Причем не какой-нибудь участковый Козявкин, а городское руководство. Вот тут-то и нужно было крепко покумекать, как и «черного» беспредельщика обломать, и ментам не подставиться! В этой ситуации у Григория вся надежда оставалась на то, что лидер кавказцев не полный дурак и ссориться с братвой не захочет – Питер близко. Из памяти, поди, не выветрилось еще, как его оттуда вместе с кодлой турнули! Перед тем как приехать непосредственно в Веселогорск, Григорий Рублев навестил своего кореша, проживающего в граде Петровом, и многое от него узнал. Он, как и сам Крытый, в блатном мире был далеко не последним человеком. Они тепло встретились, хозяин по случаю приезда такого гостя закатил шикарную гулянку. Целых два дня они не вылезали из ресторанов и саун, пока Рублев наконец не взмолился – и хорошему должен быть предел! Только тогда приятель согласился отпустить его, взяв с Крытого обещание, в случае чего, звонить именно ему, а не кому-либо другому. «Я попросил своих парней „пробить“ по поводу этого самого Джафара. Поверь мне, добром вы с ним не разойдетесь», – на прощанье сказал он Крытому, пожимая руку. Сейчас, слушая рассуждения Сеньки и Замета, Крытый невольно соглашался в мыслях со своим питерским корешом.

Если здание, занимаемое теперь «Хоббитом», было построено еще во времена «застольные», то «Эверест-стиль» отгрохали совсем недавно. Архитектор, который делал строительный проект, понимал толк в своем деле. Любой человек, проходящий мимо, увидев это сооружение, понимал, что у его владельца с деньгами все в порядке. Двухэтажная конструкция из стекла, стали и кирпича вселяла уважение своим видом. Владелец «Эвереста» не поскупился на деньги – строительство обошлось ему в кругленькую сумму. Но имидж – прежде всего.

Действительно, фирма «Эверест-стиль» выпадала из общего числа своих веселогорских собратьев по нелегкому коммерческому труду, по денежному обороту и аренде занимаемых площадей; ни одна контора в Веселогорске и близко не могла сравниться с «Эверестом». В общем, это была одна из причин, почему Виктор Семенович Хлюздин перевел работу из Питера, в котором он начинал, в родной городок. Недорогая аренда плюс наличие железнодорожной ветки. С начальником местной «железки» он был приятелем еще со школьной скамьи, так что вопросы по поставкам решались легко и просто. Дело в том, что Виктор Семенович торговал автомобилями.

Сейчас он сидел в своем кабинете и, обхватив руками

большую умную голову, усталым невидящим взглядом полировал крышку письменного стола. «Десять часов, а Светланы нет на рабочем месте, – с тоской и одновременно с раздражением подумал он. – Совсем парни этого Джафара охренели! Никого ни во что не ставят!» При воспоминании об усатом кавказце правое веко Виктора Семеновича невольно задергалось в нервном тике. Да и как тут без нервов! Позавчера появился Тарлан и объявил, что со следующей партии он должен будет отстегнуть на пять процентов больше – у Джафарова племянника, видите ли, скоро свадьба! Да еще заявил, что от него непременно должен быть подарок – новый «Москвич»! «Цвэта „мокрый асфальт“!» – заявил категорично подонок и, не слушая никаких возражений, покинул кабинет директора!

Виктор Семенович встал и подошел к бару. Руки заметно тряслись. Он налил себе почти полный стакан виски и в два глотка опустошил его. Поморщился и, убрав бутылку, вернулся на свое место. С раздражением ткнул в кнопку вызова. Тишина. «Черт! Хоть бы позвонила!» – невольно вспомнил он зеленоглазую блондинку, появившуюся у него в приемной два дня назад.

Прошлая секретарша убежала после того, как пьяный Тарлан поставил ее раком прямо в туалете. Виктория на следующий день, глядя с мольбой в глаза Виктору Семеновичу, просила, чтобы тот ее понял, чтобы извинил за то, что она бросает в такой сложной обстановке. Хлюздин слушал жен-

щину и краснел. «За что она извиняется?! – ошеломленно думал он. – Это мне ее на коленях молить нужно, чтобы она забыла все, что вчера с ней случилось, и никогда нигде не вспомнила об этом!»

Светлана уверенно зашла в приемную и скромно потупила глаза. Это была женщина двадцати семи лет. Как выяснилось из ее анкеты, разведенная, детей нет. Внешне – очень эффектная длинноногая блондинка с зелеными распутными глазами. «Может, эта хоть задержится?!» – почему-то запала надежда в сердце бизнесмена.

Молодая женщина спокойно отвечала по телефону и принимала факсы до тех пор, пока в офис не завалили Тарлан с Рамзаем.

– Ты что, друг, от нас такой цветочек спрятать решил? – кавказцы и впрямь обалдели от зеленоглазой красоти. После этого они же объявили секретарше, что «их драгоценный друг» на сегодня отпускает ее домой, поскольку первый рабочий день всегда короткий. А по дороге они, как истинные джигиты, приглашают девушку в ресторан.

Света умоляюще уставилась на своего шефа. Тот только сжал покрепче зубы и ушел к себе в кабинет. И не выходил оттуда, пока не хлопнула входная дверь.

Сейчас он дожидался, когда появится женщина и набросится на него с заслуженными упреками. Вчера она не вышла на работу, и Виктор Семенович уже заранее предчувствовал недоброе. Действительно, когда Света к двенадцати

часам все же явилась, то на робкий вопрос Хлюздина она резко ответила, что устраивалась секретаршей в приличную фирму, а не в дом терпимости.

– Что они с вами сделали? – упавшим голосом проговорил директор «Эвереста».

– Вы хотите во всех подробностях?! – неожиданно рассмеялась сатанинским смехом зеленоглазая блондинка. – Извольте! Они привезли меня в какую-то квартиру и усадили за стол. Насильно напоили водкой, а потом посадили на диван и включили порнуху! Объяснили, что, если я не повторю с ними то же, что и героиня фильма, я не только в «Эвересте», я вообще в этом городе на работу не устраюсь!

Хлюздин промямлил что-то неразборчивое. Между тем женщина, переведя дух, продолжила монолог:

– Они меня раздели и трахали сначала вдвоем, потом по очереди, потом опять «двустволкой», затем «вертолетом». Потом появился еще один... Что было дальше, рассказывать?!

– Нет, не нужно, – густо краснея, запротестовал Хлюздин. Он понимал праведный гнев женщины, которой досталось по первое число, и торопливо сунул ей в руку сто долларов. – Вот, это вам авансом за неделю. Светлана Юрьевна, я постараюсь как-то уладить вопрос с Джафаром. Обещаю вам, в самое ближайшее время!..

Женщина ничего не ответила и молча покинула кабинет. Вскоре она принесла ему факс. Ему показалось, что аванс

все же помог ей успокоиться. «Ну и слава богу!» – с облегчением вздохнул Хлюздин и вновь задумался. Одно было ясно, что так дальше продолжаться не может. Бизнесмен долго барабанил пальцем по крышке стола, но в голову так и не приходило ничего путного.

Он встал и подошел к окну. Через дорогу учительница вела детей. Длинный строй малышей тянулся через всю улицу, а их преподаватель с помощницей прыгали вокруг них, внимательно следя за тем, чтобы дети шли парами и не зевали по сторонам. Они, как наседки, бросались из стороны в сторону, пока идущие парами мальчуганы и девчушки не миновали проезжую часть и не вышли все до единого на тротуар. Только тогда одна заняла место во главе колонны, а ее помощница – в хвосте.

«Черт, в Питере тоже приходилось отстегивать, но чтобы такое „крышняк“ вытворял – никогда в жизни!» – подумал Хлюздин. Он посмотрел на детвору и невольно вспомнил о том, что сын ему вчера все уши прожужжал про дядю Катерины, юриста с шофером и «шестисотым» «Мерседесом»! Мысль наконец-то начала приобретать более-менее конкретные, завершенные формы.

Виктор Семенович вызвал Светлану. Вошедшая зеленоглазая блондинка совсем оправилась после «общения» с ребятами Джафара. Она даже слегка улыбнулась своему патрону. «Вот и чудесно», – удовлетворенно отметил он и дал распоряжение:

– Светочка, найдите мне Андрея Федоровича, пожалуйста.

Статная секретарша удалилась, покачивая бедрами. Через пятнадцать минут полненький мужчина примерно одних с директором лет вкатил в кабинет. Это был его зам и первый помощник – Зеленкин Андрей Федорович.

– Вызывали?

– Заходи, Андрей, посоветоваться нужно.

– В чем вопрос?

– Не в чем, а о чем, – устало улыбнулся Хлюздин. – Дверь закрой поплотней.

Зеленкин быстро прикрыл дверь и уселся рядом с Виктором Семеновичем:

– Так о чем идет речь?

– Ты знаешь, кто в наш город вернулся на днях?

– Так кто?

– Не помнишь, Андрей, через два дома от твоего жил такой Григорий Рублев?..

– Как не помнить! Он мне еще в пятом классе нос разбил! И судили когда его, помню! Племянник моего шурина всегда говорил...

– Я вот что думаю, – прервал Виктор Семенович ударившегося в воспоминания впечатлительного Зеленкина, – не поговорить ли с ним по поводу Джафара. Достал меня уже и он, и Тарлан, и вся их бригада!

– Что ты! – всплеснул руками Андрей Федорович. – Кто

Григорий и кто Джафар! У Джафара дружба знаешь с кем! А Рублев? Кто такой Рублев?! Из тюрьмы не вылезает! Что он может!

– Не скажи! – покачал головой Хлюздин. – Люди, которые ничего не могут, на «шестисотых» «Мерседесах» не разъезжают.

– Гриша? На «шестисотом»? – поразился Андрей Федорович. – Расскажи-ка, пожалуйста!

Хлюздин поведал историю триумфального появления во дворе девочки Кати и последующего визита его собственного сына к ней домой.

– Н-да, – задумавшись, покачал головой Зеленкин. – А ты знаешь, Виктор Семенович, в твоей идее что-то есть! Если сначала с ним встретиться и попробовать так аккуратненько поговорить...

– Я так и думал, – улыбнулся Зеленкину директор «Эверест-стиля». – К тому же я тут пообщался с одним человеком из Питера. Так он мне дал информацию, что Григорий у них в чине «смотрящего». Как я понимаю, это такой человек, который как раз наблюдает за тем, чтобы не устраивался беспредел...

* * *

«В захолустном ресторане, где с пятеркой на „ура!“ громяют стопарями, кто не допили с утра...»

Ресторанный певец исполнял песню Новикова. Ему аккомпанировали два музыканта: на гитаре и ударных. Был еще и пианист, но сейчас он отдыхал. Сам ресторан «Европа» ни в коей мере не мог попасть в разряд захолустных. Он вполне соответствовал своему гордому названию и являлся скорее проявлением чего-то передового в городе Веселогорске. Построенный всего год назад на месте снесенного за полной ненужностью кинотеатра «Маяк», он сиял великолепием стекла, стали и бетона.

Ресторан состоял из двух залов. На второй этаж вела винтообразная лестница, и там можно было вкусно поесть, потанцевать в большом светлом зале. Но мечта многих горожан, которая так и оставалась мечтой, – посещение нижнего зала. И дело было даже не в том, что цены там разительно отличались от цен верхнего. Это был зал местной элиты. На входе случайных «пассажиров» тормозил молодой человек, одетый в черный костюм, с бабочкой на шее. Он вежливо предлагал выйти на улицу и подняться по лестнице. Если загулявшему гражданину вздумывалось упираться, молодой человек предлагал то же самое, но в более настойчивой форме...

Когда Ключкин и Свиридов появились в фойе нижнего зала, молодой человек изогнулся в почтительном полупоклоне, и на его лице появилась лисья улыбка.

– Артем Юрьевич! Леонид Вадимович! Какие гости у нас сегодня! Куда прикажете? – Не дожидаясь ответа, он принял

фуражку у старшего из пары и крикнул в дверь: – Паша!

Расторопный Паша появился в мгновение ока, и процедура приветствия повторилась снова точь-в-точь! Причем оба приветствуемых только слегка скосили глаза в сторону старательных работников «Европы». Лишь начальник ОБОПа буркнул:

– В наш кабинет чего-нибудь выпить и закусить. Надеюсь, он свободен?

– Конечно же, не извольте беспокоиться, все сделаем в лучшем виде! – Паша был само воплощение радушия.

Менты расположились в отдельном кабинете и безучастно принялись лицезреть, как на подиуме аппетитная рыжая деваха в блестящей мини извивалась около шеста. Два небольших полушария ее груди с розовыми сосками весело дергались в такт музыке.

Артем Юрьевич перевел взгляд на подчиненного и равнодушно поинтересовался:

– Ты ведь, Леонид Вадимыч, не на обезьянку эту меня сюда пригласил смотреть?

– Само собой, Артем Юрьевич. Сейчас Паша принесет нам чего-нибудь съестного, и мы обо всем спокойно поговорим. Кажется, есть неплохая мысль.

– Да ну? – улыбнулся Свиридову главный мент города.

– Ей-богу, Артем Юрич!

Паша действительно не заставил себя долго ждать, и стол, как по волшебству аладдиновского джинна, моментально

был заставлен тарелками с разнообразной снедью. Появилась бутылка текилы и водки «Смирнофф» – официант превосходно знал вкусы обоих клиентов.

– Ну так что? – продолжил разговор Ключкин, после того как официант удалился и было пропущено по первой.

– Вы знаете, Артем Юрьевич, я вот подумал на досуге... и пришел к неожиданному выводу. – Свиридов веселыми глазами поглядел на своего начальника, выдерживая эффектную паузу. – А ведь это даже в чем-то хорошо, что Крытый к нам появился!

– Да чего же тут хорошего?! – не понял его полковник.

– А вот вы послушайте, – наливая по второй, хитро усмехнулся майор. – Кому больше всех сейчас поперек горла Крытый?

– Нам и... Джафару с его черножопыми!

– Вот то-то! Именно Джафару!

– К чему ты клонишь? – прищурил один глаз полковник.

– А к тому, что пусть Джафар и душит этого блатаря! А потом, когда местный джигит задавит Крытого, мы и его – к ногтю. Он параша не нюхал, вот мы и устроим ему туда экскурсию. На энное количество лет!

– А если Крытый собьет прикуп на себя?

– Это вряд ли, – уверенно покачал головой Свиридов. – За усатым – сила. У Крытого фактически никого нет. Местные за него вряд ли впрягутся – Джафар их в кулаке держит. Они и по нужде сходить без его разрешения боятся!

– Запомни, Крытый – не фраер, – заметил полковник, – вряд ли он об этом не подумал! Наверняка за него питерские впрягутся. Иначе бы он в Веселогорске даже не появился.

– Ну и пускай впрягаются, только сначала усатый замочит блатного!

– Ну и что мы от этого выиграем? – вяло отозвался Ключин. – Уйдут Джафар и Крытый, на их месте появится кто-то новый! Этого чернозадого урода мы хоть знаем. В случае чего – надавить можем! Сам он, конечно, жирует, слов нет. Но зато остальные дышать боятся! А Макар был до него – вспомни!

– А мы никого больше сюда не пустим! – решительно объявил Свиридов.

– Ну да, – скептически усмехнулся полковник. Прожевав маринованный гриб, он поучающе ткнул вилкой в сторону младшего по званию коллеги: – Свято место пусто не бывает! Найдется, поверь мне, или новый Крытый, или новый Джафар. Дойную корову без пригляда не оставят, будь уверен!

– Артем Юрьевич, – пристально глядя шефу в глаза, медленно произнес начальник ОБОПа, – а скажите по совести, вам не обидно, что мы охраняем покой и сон этих современных живоглотов, которых еще десяток лет назад сами на нары сажали, а деньги толстозадые тащат бандюкам?

– Что ты предлагаешь? – отвечая ему таким же «сердечным» взглядом, поинтересовался полковник.

– Когда покончим с этими, – продолжая жевать, Свири-

дов выразительно очертил вилкой вокруг своей тарелки, – откроем официальное охранное агентство в городе. Обзовем его, скажем, «Феникс» или «Щит». Предложим торгашам свою «крышу». И пусть только кто попробует отказаться! Так же, как «черные» делают, засунем своих людей в управленческий штат, пусть хоть копейку скрысятничать тогда попробуют!

– Идея симпатичная, – подумав, заметил полковник, – только надо сначала с Крытым вопрос решить. Джафар точно справится, как ты думаешь?

– Ну, если ему немного помочь... – тонко усмехнулся майор.

– Думай, как можно поджечь этого раскрашенного! – проглатывая третью рюмку, посоветовал подчиненному Артем Юрьевич. – Он только приехал, поэтому действовать нужно быстро, пока Крытый силу не набрал! На что его можно зацепить? Родственники у него какие, друзья, может, где-то грешок за ним в прошлом остался, о котором его кореша блатные не ведают? Думай! Не может человек ни разу за жизнь не оступиться! Может, у него враги есть, а мы не знаем с тобой об этом, а?

– Не волнуйтесь, Артем Юрьевич! Работа уже идет полным ходом, – отозвался подчиненный и закинул в рот кусок бифштекса. Прожевав его, он значительно добавил: – У меня человек есть, совсем рядом с Гришей... – Не договаривая, он загадочно улыбнулся начальнику.

– Ну-ну, – усмехнулся тот. – Поживем – увидим.

Больше главные блюстители порядка города к этому разговору не возвращались. Покончив с ужином, выпив еще по одной, они покинули «Европу».

* * *

День выдался просто замечательный. Легкий ветерок чуть колыхал яркую зеленую листву, еще не успевшую потускнеть под жарким летним солнцем. Ночью, по всей видимости, шел небольшой дождь, поскольку кое-где на асфальте виднелись темные мокрые пятна. Воздух был полон необыкновенной приятной свежести. Пыль, висевшую в воздухе последние дни, прибило к земле. Воробьи и голуби плескались в лужицах, не успевших высохнуть. Они своим веселым щебетанием и гульканьем наполняли утренний воздух, заставляя всех окружающих радоваться.

Крытый находился в своей городской квартире. Он снял ее неподалеку от дома, в котором проживали Катерина и ее бабушка. Жилье было самое обыкновенное. Но Крытый ни сколько не смущался этого. Ему, наоборот, была больше по душе простота обстановки. Он привык жить по-простецки: вся его прошлая жизнь как-то не располагала к приобретению другой привычки.

Крытый поставил на газ чайник и вернулся в комнату. Хотел включить телевизор, но в это время в дверь позвонили.

Оказалось, пришла Катерина. Впустив племянницу, Григорий закрыл дверь и строго посмотрел на девушку:

– Ты почему не в школе?

– На сегодня занятия отменили, – сразу ответила та.

Рублев с его значительным жизненным опытом сразу сообразил, что этот ответ девушка выдумала еще на пороге собственного дома. Но сердиться на Катерину он просто не мог.

– Бабушка знает, куда ты пошла?

– Конечно! Если не веришь, то можешь ей позвонить! – обиженно надула губы девочка.

С первых дней Крытый попросил, чтобы племянница обращалась с ним на «ты». Еще не хватало между ними официальных обращений!

– Хитрюга! Не дуй губы! – ласково пожурил он ее. – Сейчас чаю попьем, а затем ты мне за прогул что-нибудь сыграешь! Так сказать, урок на дому!

– Хорошо! – легко согласилась та и принялась хозяйничать на кухне.

Крытый был в хорошем настроении. Дела сдвинулись с мертвой точки. Его ребята потихоньку прозондировали почву в городе. Как он и предполагал, многие устали от джафаровской бригады и готовы были хоть сейчас бежать под «крышу» братвы. Крытый не хотел первым наезжать на беспредельщика. Он нисколько не сомневался, что тот сам не заставит себя долго ждать – едва бизнесмены полезут из-под

его пяты, он и окрысится! Значит, будет «рамс». Но в таком случае у Григория будет моральное преимущество: «Я никого за яйца к себе не тянул – люди сами пришли! А почему пришли? Да потому, что твои „шестерки“ – что упыри болотные! Ни меры, ни совести не знают!» Вряд ли Джафару найдется на это что ответить. Весь город наслышан о подвигах его «джигитов»!

Григорий, так и не включивший телевизор, размышлял по этому поводу, сидя в кресле. Племянница шустрила на кухне, накрывая на стол. «Даже если придется воевать с усатым, то правда будет на моей стороне, – был убежден Крытый. – Можно будет подтянуть ребят из Питера. Тогда Джафар, если не дурак, слиняет из Веселогорска или пойдет на попятную. Так или иначе, но через некоторое время в Веселогорске ему просто нечего будет делать! Если он упустит свое лидерство, те, кто сейчас его боится, попрут на Джафара, пока он не опомнился. Городок маленький, особо делить тут нечего, и каждый толстосум на учете! А хорошо жить все хотят!»

Между тем Катерина объявила, что к великому чаепитию все готово. Григорий поразился, насколько аккуратно и умело та нарезала хлеб, сыр, колбасу. «Еще немного – и уже невеста! – с невольной грустью подумал Крытый. – А еще, кажется, совсем недавно в детский садик ходила! Как годы бегут!»

Он невольно на секунду мысленно погрузился в про-

шное... Вот мать Катерины – одна из немногих, кто приветливо относился к Гришке-каторжанину, как звали между собой Рублева родственники. Она стоит около качелей, на которых раскачивается черноволосая девчушка в цветастом платье. Девчушка заливисто смеется, и счастливая мать смотрит на нее любящими глазами. Качели летят все выше, девочка смеется и болтает ногами, раскачивая их. Мать придерживает качели время от времени, чтобы девочка не раскачалась слишком сильно...

– Дядя Гриша, ты что такой грустный? – вернул его в реальность заботливый голос.

Григорий сделал себе бутерброд и задвигал челюстями. Крытый никогда не мог пожаловаться на аппетит. Вот и сейчас он уже доедал второй бутерброд, пока Катерина только-только расправилась с первым.

– Да нет, я, наоборот, веселый, – тряхнул головой «положенец» и посмотрел на девушку ласковым взглядом. – Купили вы с бабушкой телевизор?

– Не-а, – разочарованно протянула юная скрипачка, – бабушка спрятала деньги. Говорит, телик – не самое главное!

– Ну, вот мы с тобой музыкой позанимаемся, позвоним Валере и сгоняем в «Хоббит» за телеком!

– Ой! Правда?! – Счастью племянницы не было предела. Она на радостях чмокнула дядю в щеку и полетела в комнату за скрипкой.

– Что слушать будем? – грациозно вскинув смычок, Кате-

рина приготовилась и замерла.

Вопрос, признаться, поставил Крытого в тупик. «Спросила бы что полегче!» – мысленно усмехнулся он и, подыгрывая ей, заявил важным голосом:

– Э! Что-нибудь на ваше усмотрение, барышня!

Катерина не выдержала и рассмеялась. Похоже на то, что она поняла дядины трудности.

– Сарасатэ. «Цыганские напевы», – объявила она.

Смычок коснулся струн, и полилась нежная тягучая мелодия. Крытый закрыл глаза, пытаясь представить какое-нибудь действие, происходящее под эту музыку. Сначала ему показалось, что он видит пляшущих людей. Потом ему представились какой-то иностранный кабак и пляшущая мулатка в цветастом платье. Почему кабак был иностранным, почему плясала именно мулатка, он не мог объяснить. Неожиданно он вспомнил, что видел эту картину в красном уголке ИТК по телевизору. Даже вроде первоначально помнил, как звали эту женщину и как назывался сам фильм.

Из полной нирваны его вырвал зуммер звонка. Звонили не по сотовому, а по городскому номеру. «Может, тетушка решила узнать, не у меня ли укрывается прогульщица?» – подумал он, протягивая руку к трубке.

– Слушаю.

Кто-то тяжело дышал в трубку, не говоря ни слова. Крытый пожал плечами и положил ее на рычаг.

– Кто это? Бабушка? – перестав играть, поинтересовалась

девушка.

— Да... Бог его знает, кто это. — Крытый чуть не выругался по привычке. — Молчит, сопит только в трубку.

— Наверное, ребенок какой-нибудь балуется, — по-взрослому рассудила Катерина и приготовилась было играть дальше, как телефон зазвонил вновь. И повторилась та же самая история.

— Если еще раз позвонит, честное слово, я не выдержу! — Григорий терпеть не мог, когда с ним шутили подобным образом.

Телефон зазвонил в третий раз.

— Да! — рявкнул в трубку Рублев.

— Слушай, кто тебя звал в наш город? — неожиданно услышал он гнусавый неприятный голос с характерным акцентом.

— А тебя кто сюда звал?

Катерина перестала играть и замерла. Судя по тому, как на скулах дяди Гриши заиграли желваки, разговор происходил малоприятный. Трубку опять бросили.

— Вот сволота! — в сердцах выругался он. — Даже гадят и то по-мелкому!

— А кто это был? — испуганно поинтересовалась девушка.

— Черт его знает, не бери в голову! — махнул рукой Крытый. — Давай лучше с музыкой закончим!

Но не успела Катерина сыграть и минуту, как телефон зазвонил вновь.

— Крытый, или ты свалишь из города. — В трубке слышался

все тот же гнусавый голос. – Или...

– Что «или», ты, чума болотная?! – В голосе Григория слышались яростные нотки.

– У тебя родственники есть, друзья...

Связь вновь прервали.

– У-у! Паскуда! – Григорий сжал пудовые кулаки.

Катерина округлила от страха глаза – столько ярости в человеке она никогда не видела. И едва телефон зазвонил вновь, ей показалось, что дядя сейчас просто швырнет его об пол. Но Крытый вновь схватил трубку и заговорил первым, тщательно выговаривая слова:

– Слушай сюда, козлина блудливая! Если ты еще хоть раз...

– Григория Рублева можно пригласить? Или я номером ошибся? Если так, простите, пожалуйста, – перебил его праведную вспышку робкий голос.

– С кем я разговариваю? – отчеканил вопрос Григорий, стараясь успокоить свой гнев.

– А вы, простите, Григорий? – продолжал допытываться собеседник.

– Да, я, – отозвался Крытый.

– Вы, наверное, не помните меня. Я Хлюздин Виктор, через два дома от вас жил...

– Почему не помню, – усмехнулся Крытый, – прекрасно помню. Так чего от меня тебе нужно?

К тому времени Гриша уже прекрасно знал, что Витька,

бывший сосед по дому, как раз и есть директор заманчивого «Эвереста»! И что Зеленкин, с которым он не раз дрался в детстве, – его заместитель и ближайший помощник.

– Так, значит, ты меня помнишь! – Радостный голос аж зашелся от счастья на другом конце провода. – А помнишь, как у нас за домом «коробку» поставили, и мы двор на двор...

– Хлюздин, заканчивай бодягу! – оборвал его радостные излияния Григорий. – Ты же не для того, чтобы воспоминаниями делиться, позвонил!

– Ты прав, Григорий, – устало вздохнула трубка, – мне хотелось бы серьезно с тобой поговорить.

– О чем?

– Это не телефонный разговор.

– Ну так давай встретимся где-нибудь. Скажем, часа через два.

– Ты знаешь, на выезде есть мотель «Ласточка». При нем – неплохой бар. Ты знаешь, как добраться? Можно, конечно, и в городе, но...

– Я буду в «Ласточке»! – перебил его Крытый и положил трубку на рычаг.

– Ты уезжаешь? – несколько расстроено поинтересовалась девочка.

– Дела, – коротко отозвался Крытый и, усмехнувшись хитро, добавил: – Но сначала мы позвоним Валере и сгоняем вам за теликом. Так пойдет?

Катерина радостно пискнула и захлопала в ладоши от из-

бытка чувств.

Григорий позвонил своему водителю и объяснил, что от него требуется. Сеня прибыл через десять минут. Он несколько раз посигналил, и Григорий, выглянув в окно, увидел знакомый кабриолет. Они быстренько спустились вниз и помчались к «Хоббиту».

* * *

«Ласточка» существовала в основном за счет водил-дальнобойщиков и являлась, по сути, обычным придорожным мотелем с примыкающим к ней кафе. Единственное, может быть, что отличало ее от собратьев, вереницей тянувшихся вдоль дороги, так это более-менее презентабельный вид. Еще, как утверждал Хлюздин, тут вполне прилично готовили. Но проверять качество кухни Крытый не стал. Не потому, что опасался за свой желудок – он у него был луженый, просто Григорий перед поездкой поел и поэтому ограничился чашкой кофе. Виктор Семенович тоже не стал ничего заказывать – не обедать же, на самом деле, они сюда приехали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.